Гвоздева Ирина Сергеевна

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОЦЕНКИ СЛОЖНОСТИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/1/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (56). С. 7-10. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.985.7

Ирина Сергеевна Гвоздева
Саратовская государственная юридическая академия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОЦЕНКИ СЛОЖНОСТИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ©

Из всех преступлений, зарегистрированных в последние годы, приблизительно каждое десятое было совершено несовершеннолетними. При этом ежегодно выявляется более 300 тыс. преступлений подростков. В литературе отмечается, что динамика данных деяний стала опережать темпы прироста населения в возрасте 14-17 лет в 3,5 раза [6, с. 3]. В этой связи проблема отправления правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних занимает особое место в российском законодательстве, отечественной правовой науке и практике расследования преступлений.

Подростки-правонарушители попадают в сферу деятельности правоохранительных органов в возрасте, когда еще не завершен процесс их социального созревания и становления личности, что проявляется в сниженной, по сравнению с совершеннолетними, способности осознавать значение своих поступков, а также меньшей свободе волеизъявления в юридически значимых ситуациях. Эти особенности учтены законодателем (ч. 3 ст. 20, п. «б» ч. 1 ст. 61, раздел V УК РФ; глава 50 УПК РФ).

В криминалистической литературе, касающейся расследования преступлений несовершеннолетних, рекомендуется «всегда помнить и учитывать: недостаток жизненного опыта, незавершенность формирования принципов, правил, понятий, критериев самооценки и оценки окружающих и, как следствие, неумение (неспособность) рассмотреть истинный смысл происходящих событий; доверчивость, повышенная эмоциональность, возбудимость и внушаемость, податливость уговорам и угрозам, импульсивность, стремление подражать старшим, переоценка своих возможностей» [1, с. 876-877]. В уголовном и уголовно-процессуальном законе и криминалистической науке ограниченные психические, физические, психофизиологические и социальные возможности подростков рассматриваются как повод для более тщательного расследования их преступлений, что предъявляет повышенные требования к деятельности следователей и обуславливает ее усложнение.

Вместе с тем, на практике особый процессуальный статус несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), его низкий потенциал могут приводить и к формированию иного, упрощенного подхода к расследованию дел данной категории. Интервьюирование 112 следователей показало, что 47% на вопрос «Считаете ли Вы, что преступные деяния подростков не отличаются большой сложностью?» отвечают положительно. На вопрос «Считаете ли Вы, что расследование преступных деяний подростков представляет большую сложность, чем расследование преступлений совершеннолетних лиц?» около 70% следователей ответили отрицательно. Половина опрошенных следователей ответили отрицательно на вопрос «Считаете ли Вы целесообразным подробное установление всех обстоятельств преступления несовершеннолетнего, если он все равно не понесет такого наказания за содеянное, как понес бы совершеннолетний?». В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. По уголовному делу потерпевшая Ц. в судебном заседании заявила, что женщина-следователь на очной ставке при обвиняемых сказала, что поскольку они несовершеннолетние и, к тому же, девушки, «им ничего серьезного не будет». И хотя в связи с данным фактом к следователю было применено дисциплинарное взыскание, после этого инцидента обвиняемые уверились в своей безнаказанности, стали вести себя вызывающе по отношению к Ц., глумились над ней и грубили на предварительном следствии, а также в судебном заседании [2]. Таким образом, следователи могут исходить из установок, что преступные деяния несовершеннолетних просты по характеру; расследование совершенных ими преступлений не представляет большой сложности и не требует затрат таких же усилий, как при расследовании преступлений, совершенных взрослыми.

В некоторой степени такая позиция следователей не безосновательна. Незрелость психики и поведения подростков действительно находит отражение в характере совершаемых преступлений и может быть обусловлена следующими факторами: 1) отставанием в психическом развитии, связанным с психическими расстройствами; 2) отставанием от уровня психического развития, не связанным с психическим расстройством; 3) соответствующим переходному подростковому возрасту уровнем психического развития, характеризующимся сохранением элементов «детских» и появлением «взрослых» форм поведения.

Как показывают результаты исследований психологов, психиатров и педиатров, в общей популяции подростков установленным для данного возраста нормативам психического и физического развития соответствует 50% несовершеннолетних, развитие 35% несовершеннолетних отстает от возрастной нормы, а развитие 15% - опережает ее [10]. Из этих данных следует, что высокий процент незрелых психических структур

© Гвоздева И. С., 2012

в поведении подростков может найти отражение в преступном поведении. Вместе с тем на основании этого же процентного соотношения можно предположить, что достаточно большое число несовершеннолетних правонарушителей (по крайней мере, каждый шестой) способно на осуществление зрелых форм поведения.

Для проверки данного предположения были проанализированы материалы 78 уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, совершенных в период с 2004 года по 2009 в г. Саратове, квалифицированных по статьям 158, 161, 162, 163, 166, 213, 228 УК РФ. Всего в 154 эпизодах участвовало 126 подростка. Анализ показал, что только в отношении 32 из них проводилась комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза и в отношении 4 - судебно-психиатрические экспертизы. Таким образом, только в 29% всех случаев у следователей возникли сомнения в способностях несовершеннолетних правильно осознавать фактический характер своих действий и руководить ими в момент совершения правонарушения. Ни одной из этих экспертиз не были выявлены признаки отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, или невменяемости несовершеннолетних. Следовательно, во всех проанализированных случаях не было выявлено ни первого, ни второго факторов, обуславливающих незрелость психики и поведения несовершеннолетних обвиняемых. Таким образом, в нашем исследовании все возможные проявления незрелости, простоты поведения несовершеннолетних правонарушителей могли быть обусловлены сохранением «детских» элементов переходного подросткового возраста. В связи с теоретической возможностью наличия наряду с простыми, незрелыми формами преступного поведения сложных поведенческих структур у подростков возникла необходимость выработать критерии сложности/простоты преступных деяний несовершеннолетних, а также выяснить их соотношение.

При выделении отличительных признаков простых и сложных актов преступного поведения мы опирались на положения науки уголовного права, а также общей и юридической психологии.

Преступление в УК РФ определено как деяние (действие или бездействие). «Применяя такую формулировку закона, законодатель подчеркивает, что преступление - это всегда поведение, деятельность конкретного человека» [9, с. 51]. В психологии под поведением понимается присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью [7, с. 276]. Поведение человека трактуется как социально обусловленная деятельность, имеющая природные предпосылки, опосредованная языком и другими знаково-смысловыми системами [Там же]. Деятельность, в свою очередь, понимается как динамическая система взаимодействия субъекта с миром [Там же, с. 101], единицей которой является действие, представляющее из себя произвольную преднамеренную опосредованную активность, направленную на достижение осознаваемой цели, исполнительная часть которой определяется конкретными условиями ситуации [Там же, с. 94-95]. По мнению М. И. Еникеева, в основе всех уголовно-правовых построений, в основе самого понятии преступления лежит понятие волевого действия [5, с. 339]. Волевые действия, как в общей [3, с. 320; 4, с. 361; 8, с. 190], так и юридической [5, с. 339] психологии, принято подразделять на простые и сложные. В литературе можно встретить мнение, что простые волевые действия, как правило, имеют два звена - постановку цели и исполнение. «…Одно звено следует за другим тотчас, без промежуточных звеньев» [3, с. 320].

С. Л. Рубинштейн также предлагает двухэлементную структуру простого волевого действия. По его мнению «в простом волевом акте побуждение к действию, направленному на более или менее ясно осознанную цель, почти непосредственно переходит в действие, не предваряемое сколько-нибудь сложным и длительным сознательным процессом; сама цель не выходит за пределы непосредственной ситуации, ее осуществление достигается посредством привычных действий, которые производятся почти автоматически, как только дан импульс» [8, с. 190]. М. И. Еникеев добавляет к этим двум элементам третий - оценку результата [4, с. 361]. Разновидностью простого волевого действия является простое преступное действие, включающее, по мнению М. И. Еникеева, ситуативные обстоятельства, антисоциальные установки, стереотипное действие, преступный результат [5, с. 339].

Из изложенного можно сделать вывод, что как для простого волевого действия, так и для простого преступного действия, наиболее значима стадия исполнения: она занимает центральное место в структуре волевого акта и на нее затрачивается большая часть времени по сравнению с подготовительной стадией.

Сложное волевое действие характеризуется многосоставной, развернутой структурой, поскольку в нем представлено большее по сравнению с простым число элементов, согласующихся друг с другом посредством усложненной системы связей и организованных обладающей системообразующим свойством целью. Так, в литературе можно встретить мнение, что «в сложном волевом действии отчетливо обозначены три звена - осознание цели, планирование и исполнение» [3, с. 320]. Характерной особенностью такого волевого акта является то, что «между импульсом и действием вклинивается опосредующий действие сложный сознательный процесс. Действию предшествует учет его последствий и осознание его мотивов, принятие решения, возникновение намерения его осуществить, составление плана для его осуществления» [8, с. 190].

М. И. Еникеев выделяет в структуре сложного волевого акта стадии формирования цели, предрешения, моделирования значимых условий деятельности, программирования исполнительских действий, обработки текущей информации о достигаемых промежуточных результатах, текущей коррекции действий и оценки итогового результата [4, с. 361].

Поскольку на каждом этапе совершения преступления правонарушителем осуществляется множество действий по подготовке, осуществлению преступления, сокрытию его следов, то при квалификации деяния оценивается именно поведение преступника, так как действия являются структурными единицами поведения.

Поведение подозреваемого, обвиняемого, включающее в себя целый комплекс различных волевых актов, учитывается следователем и при осуществлении уголовного судопроизводства.

При расследовании преступления несовершеннолетнего следователь также сталкивается с необходимостью правовой квалификации поведения подростка в момент совершения преступного деяния. Кроме того, следователю необходимо учитывать, оценивать поведение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на предварительном следствии, поскольку в процессе взаимодействия в зависимости от поведения подростка следователь корректирует собственные действия, выбирает наиболее целесообразные в сложившейся ситуации тактические приемы.

На основании изложенного, критериями сложности противоправного поведения несовершеннолетних в анализировавшихся эпизодах были условно приняты такие, информация о которых может быть получена из материалов уголовного дела. К ним можно отнести: 1) наличие заранее разработанного плана действий; 2) предварительная подготовка к совершению деяния; 3) предварительное распределение ролей участников (в случаях, когда имело место преступление, совершенное группой); 4) продумывание способов сокрытия следов преступления и способов реализации похищенного имущества (если преступление было корыстной направленности); 5) продумывание линии поведения в случае обнаружения преступления. Признаками же простого противоправного поведения были приняты отсутствие перечисленных критериев сложности, а также наличие сведений, позволяющих сделать вывод о том, что побуждение к совершению деяния возникло ситуативно, и за ним немедленно последовало исполнение действия по достижению цели.

Нами анализировались степень сложности поведения подростка до, во время и после совершения преступления, а также наличие руководителя или подстрекателя (как взрослого, так и несовершеннолетнего). В процессе исследования по всем 154 эпизодам было установлено 274 проявлений противоправного поведения несовершеннолетних, поскольку даже по одному уголовному делу, включающему несколько эпизодов, каждый несовершеннолетний мог совершать различные по сложности преступные деяния. В целом, все проявления противоправного поведения несовершеннолетних с учетом выделенных критериев условно были подразделены на следующие типы: 1) несложное поведение несовершеннолетних, совершивших правонарушение без чьего-либо руководства или подстрекательства; данный тип встретился в 32% от числа всех проявлений преступного поведения; 2) несложное поведение несовершеннолетних, совершивших правонарушение под руководством или в результате подстрекательства, - 39%; 3) сложное поведение несовершеннолетних, совершивших правонарушение без чьего-либо руководства или подстрекательства, - 14%; 4) сложное поведение несовершеннолетних, совершивших правонарушение под руководством или в результате подстрекательства, - 15%. Из полученных результатов можно сделать вывод, что удельный вес случаев проявления несложного поведения в момент совершения правонарушения и после него (71%) значительно больше общего числа случаев проявлений сложных форм преступного поведения несовершеннолетних (29%). В то же время, разница между числом деяний, совершенных под руководством или в результате подстрекательства, и деяний, совершенных подростками самостоятельно, не существенна (54% и 46% соответственно). Таким образом, несмотря на преобладание простых форм преступного поведения несовершеннолетних, практически половина правонарушений была совершена самостоятельно.

Проведенное исследование подтвердило исходное предположение о преобладании простых форм в поведении несовершеннолетних правонарушителей, что в некоторой степени объясняет стереотипное отношение к преступлениям несовершеннолетних у работников правоохранительных органов. Вместе с тем, практически третья часть проанализированных эпизодов характеризовалась сложными формами поведения подростков. Сама вероятность проявления таких форм психических структур и поведения требует от следователей дифференцированного подхода в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при производстве предварительного следствия. Такая необходимость обусловлена тем, что поведение человека является внешней стороной внутренней психической структуры. В тех случаях, когда совершенное несовершеннолетним деяние обладает признаками проявления сложного преступного поведения, есть основания предположить, что и на предварительном следствии подросток будет актуализировать сложные действия, а, значит, есть вероятность того, что адекватная оценка его поведения может представлять серьезную сложность.

Полученные результаты дают основание утверждать, что упрощенное понимание следователями задач уголовного судопроизводства по делам данной категории, и, в связи с этим, снижение требований к собственной деятельности в каждом третьем случае неизбежно будет отражаться на всесторонности, объективности и полноте исследования обстоятельств дела судом и, соответственно, правильности определения наказания несовершеннолетнему.

Список литературы

1. **Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.** Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
2. **Архив Заводского районного суда г. Саратова. Дело № 30330.**
3. **Богословский В. В., Степанов А. А., Виноградова А. Д.** Общая психология: учеб. пособие / под ред. В. В. Богословского и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1981.
4. **Еникеев М. И.** Общая и юридическая психология: в 2-х ч. М., 1996. Ч. 1. Общая психология.
5. **Еникеев М. И.** Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. М., 1996.

6. **Еникеев Р. З.** Проблемы доказывания в деятельности адвоката-защитника по делам о преступлениях несовершеннолетних: автореф. дисс. … к.ю.н. Ижевск, 2004.
7. **Психология**: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
8. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии: в 2-х т. М., 1989. Т. 2.
9. **Уголовное право России. Общая часть**: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996.
10. **Цымбал Е. И.** Экспертная оценка отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством: методические рекомендации. Ч. II. Методика проведения экспертизы [Электронный ресурс] // Независимый психиатрический журнал. 2006. URL: http://www.npar.ru/jornal/?selection=law (дата обращения: 10.10.2011).

УДК 314.148(470.44)

Марина Юрьевна Давыдова
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА©

Саратовский край во второй половине XIX в. представлял собой юго-восточную часть Европейской России. Он простирался по правому берегу Волги, занимая значительную часть Поволжья. В административно-территориальном отношении изучаемый регион являлся одной из поволжских губерний Российской империи, в состав которой входила обширная территория в 74 244,8 кв. версты (или 84 640 кв. км) [7, с. 1]. По площади среди губерний Европейской России Саратовская занимала тринадцатое место [12, с. 4]. На севере она граничила с Симбирской, на северо-западе - с Пензенской, на западе - с Тамбовской, на юго-западе - с Воронежской и Областью Войска Донского, на юге - с Астраханской губерниями. На востоке границей губернии служила р. Волга, отделявшая ее от Царевского уезда Астраханской и Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губерний.

Саратовская губерния состояла из 10 уездов. Ее северную часть составляли Сердобский, Петровский, Кузнецкий, Хвалынский и Вольский уезды, сравнительно небольшие по площади. Территория самого маленького уезда - Кузнецкого - составляла 4 627,5 кв. верст. В центральную группу входили многоземельные Балашовский, Саратовский и самый обширный в губернии - Аткарский (10 999,8 кв. верст) уезды. На юге находились вытянувшиеся вдоль Волги Камышинский и Царицынский уезды.

Административное устройство губернии в основных чертах сложилось в конце XVIII в. Если первоначально большая часть Саратовского Поволжья входила в состав Казанской, а затем Астраханской губерний, то в 1780 г. была образована самостоятельная административная единица - Саратовское наместничество. Оно включало 178 600 кв. верст территории, 1 192 населенных пункта (445 сел, 640 деревень и 106 колоний) и 640 тыс. населения. В 1797 г. Саратовское наместничество было преобразовано в губернию.

Активная колонизация региона привела к созданию в 1835 г. в Заволжье трех новых уездов: Николаевского, Новоузенского и Царевского. В результате численность населения с 1830 г. по 1841 г. увеличилась с 1 113 627 [6, с. 17] до 1 640 830 чел. [3, д. 244, л. 1]. Однако уже в конце 1850-го г. Николаевский и Новоузенский уезды были включены во вновь образованную Самарскую, а самый южный Царевский - в Астраханскую губернию. В результате территория Саратовской губернии сократилась более чем вдвое, и численность населения уменьшилась до 1 444 496 чел. [4, д. 13, л. 1-2]. Отметим, что уже в 1858 г. она была практически восстановлена (1 636 135 чел.). В рассматриваемый период площадь и границы губернии, а также количество уездов оставались неизменными. В 1867 г. насчитывалось 10 городов, 1 посад, 462 села, 1 495 деревень и хуторов, 57 колоний, 2 казачьих станицы [3, д. 5393, л. 38].

По установленным автором данным, в 1862-1903 гг. общая численность населения выросла на 65,6% (1 107 981 чел.). Причем наиболее высокие показатели роста были характерны для конца XIX - начала XX в., что обусловлено активным экономическим развитием региона. Снижение же численности населения, связанное с последствиями неурожая 1891 г. и поразившими губернию эпидемиями тифа и холеры, наблюдалось лишь в первой половине 90-х гг.

В то же время подсчеты показали неравномерность изменения численности и плотности населения уездов. Высокая концентрация и одновременно незначительный рост были характерны для северных уездов. Для южной и центральной части губернии характерной оставалась низкая плотность и высокий прирост населения. Данная неравномерность была обусловлена исторически сложившимися направлениями колонизации края, климатическими и почвенными особенностями отдельных территорий.

Особенно высокие показатели прироста населения наблюдались в Царицынском (170%) и Саратовском (90%) уездах. Данный процесс был вызван ростом населения городов. Так, в Царицыне с 1861 г. по 1903 г. число жителей увеличилось с 6 748 до 79 759 чел. [10, с. 10; 13, с. 41-42]. Исключительный рост городского населения (в 12 раз) связан с превращением Царицына в мощный транспортный узел на юго-востоке страны, что вызвало развитие местной промышленности, торговли и приток населения. Для Саратова был характерен

© Давыдова М. Ю., 2012